

В.М. БЕРЕЖНИЙ, д.э.н., профессор

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

С.Ю. ДЕФОРЖ,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

«Критический пересмотр модели трансформации с соответствующей корректировкой вектора общественных преобразований», необходимость которого обоснована в концептуальном государственном документе «Стратегия экономического и социального развития Украины (2004-2015 годы) путем Европейской интеграции» [1, с.40], невозможен без объективной научной оценки исторического места, целей, путей развития социума переходного, постсоциалистического периода. При этом мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью теоретического осмысления извечных проблем мировой общественной гносеологии - о причинах, факторах, движущих силах эволюции цивилизации. В концентрированной форме главную загадку человеческой истории – широкую дивергенцию траекторий исторического развития отдельных социумов, выразил основоположник новой экономической истории Д. Норт: «...поразительная черта последних десяти тысяч лет истории заключается в том, что в мире сложились общества, радикально отличающиеся друг от друга по религиозным, этническим, культурным, политическим и экономическим критериям, а разрыв между богатыми и бедными, развитыми и слабо развитыми нациями сегодня такой же большой, как и прежде, а может быть даже гораздо, чем когда бы то ни было раньше. Как объяснить такое различие между обществами? И что, пожалуй, не менее важно – какие причины ведут к дальнейшему углублению или, напротив, стиранию различий?» [2, С.22].

Поиск ответов на эти, казалось бы, сугубо академические вопросы, резко актуализировался в период глобального социального катаклизма, каковым является

системная трансформация. Его сложность, болезненность и противоречивость связана с тем, что:

- во-первых, сам переход командной экономики к рынку не являлся, на наш взгляд, закономерным результатом вызревания предпосылок трансформации в недрах предшествующей системы, а стал сознательным волеизъявлением государства;

- во-вторых, объективно отсутствует опыт системной трансформации;

- в-третьих, очевидно, что существенных результатов трансформации можно добиться только на основе взвешенной экономической политики, опирающейся на научную теорию, вобравшую в себя опыт становления и функционирования рыночной системы в передовых постиндустриальных государствах. Немецкий теоретик П. Вельфенс подчеркивает: «Если в стране осуществляется трансформация экономической системы (как это происходит в бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы в 90-х годах) и она впервые сталкивается с проблемами, свойственными рыночной экономике, рациональную политику... из-за отсутствия опыта можно проводить, только руководствуясь экономической теорией. Политика, осознанно проводимая по принципу «learning-by-doing» (обучение действием) ... может быть рациональной только в малых странах» [3, с.40].

Отсутствие последовательной, научно обоснованной политики системных преобразований привело к серьезным политико-экономическим потрясениям в ряде стран постсоветского субконтинента (Молдова, Грузия, Украина) и драматическим образом подтвердило предвидение

© В.М. Бережний, С.Ю. Дефорж, 2005

великого либерала XX в. Ф. Хайека: «Единственное, чего не выдержит демократия... это необходимость существенного снижения уровня жизни в мирное время или достаточно длительный период, в течение которого будут отсутствовать видимые улучшения» [Цит. по:4, с.84].

Целью данного исследования является дальнейший анализ фундаментальных факторов общественной эволюции, направленный на определение приоритетного вектора преобразований в период системной трансформации. Методологической основой работы являются теоретические разработки представителей современного институционализма: Дж. Бьюкенена, Д. Норта, Т. Эггертссона, С. Архиреева, А. Гриценко, В. Дементьева, Р. Нуреева, А. Олейника, В. Полтеровича, О. Яременко и др. Целевая установка исследования находится в общем русле научного поиска, начатого нами на II Донецкой конференции институционалистов в 2004г.: определения путей и форм институционального строительства в экономической политике переходного государства [См.5, с.48-55].

Анализ современного состояния гносеологического поля цивилизационных теорий развития социума позволяет выделить четыре основных подхода к определению приоритетных факторов системной эволюции:

- технический (технологический) детерминизм;
- экономический (рыночный) фундаментализм;
- социокультурный детерминизм;
- эволюционный институционализм.

Абсолютизация отдельных факторов представляется малосостоятельной, поскольку все они находятся в неразрывной, диалектической взаимосвязи. Вместе с тем полагаем, что определение доминирующего фактора в конкретной исторической перспективе («выделение ведущего звена») может и должно служить основой выработки оптимальной экономической стратегии переходного государства.

Проведем краткий (в узких рамках

статьи) сравнительный экскурс по обозначенным направлениям эволюционной теории.

Технический (технологический) подход к трактовке факторов эволюции социумов, восходящий к марксистской теории примата производительных сил над производственными отношениями, сохраняет актуальность в постсоветских исследованиях [6, с.4-23; 7, с. 43-44 и др.]. Однако повсеместная нивелировка возможностей использования технического (технологического) потенциала, связанного с переходом на стадию информационного, постиндустриального общества, резко усилившаяся в условиях глобализации, исключает, на наш взгляд, привлечение данного фактора как базисного для выявления причин дивергенции государств. Технология задает верхний предел, границу возможностей производственного потенциала данного способа производства, однако реальная реализация этих возможностей обусловлена влиянием других системных факторов. Акцентирование внимания исследователя на технологических характеристиках способов производства (систем) приводит к игнорированию и даже искажению социально-экономических, политических и других факторов общественной динамики. Показательна попытка периодизации развития индустриального общества на базе технологических укладов, предпринятая С.Глазьевым, Д.Львовым и Г.Фетисовым, которая привела к весьма спорным выводам. Современный, V техногический уклад, который, по мнению авторов, начался в 1980-е г.г. и будет доминировать до 2040-х г.г., характеризуется «господством индивидуализированного производства и потребления на основе применения микроэлектронных компонентов». При этом авторы вынуждены «подгонять» к материально-техническому базису общества его институционально-политическую надстройку: основным экономическим институтом современности называется «международная интеграция мелких и средних предпринимателей на основе информационных технологий», а главной особенно-

стью механизма хозяйствования современного уклада – «снижение роли государственного регулирования экономики». К тому же бывшие соцстраны отнесены, вместе с новыми индустриальными государствами ЮВА, к группе «развитых стран» – это вполне объяснимо с точки зрения технологического потенциала, но делает невозможным использование данной схемы для выработки долгосрочной антикризисной политики переходных социумов [6, с. 21-23].

Экономический (рыночный) фундаментализм, объективно ограниченный рамками достижения равновесия макро- и микроэкономических моделей, также не может служить фундаментом научного обоснования процессов общественной эволюции. Многочисленная критика изначальной ограниченности неоклассического рыночного фундаментализма обобщена в работах Т.Эггертсона [8, с. 17-27] и Д.Норта [2; с. 36-37, с. 42-43].

Особого внимания заслуживает социокультурный подход к анализу общественной динамики, получившей широкое распространение в конце 1990-х г.г. [9, с. 5-7; 10, с. 105-115 и др.]. Отправной точкой данного направления является известная работа М.Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1904 г.). Изучая социологические аспекты деятельности католических и протестантских общин, Вебер пришел к выводу, что в Англии произошло идеальное совпадение религиозно-культурной эволюции общества с экономической деятельностью и менталитетом народа: «... англичане превзошли все народы мира в трех весьма существенных вещах – в набожности, в торговле и свободе. Не связаны ли успехи англичан в приобретательстве, а также их приверженность демократическим институтам с тем рекордом благочестия, о котором говорил Монтескье?» [11, с. 69]. Пуританская аскеза стала питательной средой для зарождения «духа капитализма»: «... пуританизм был носителем этоса рационального буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда» [там же, с.

93]. Фундаментальные этико-культурные критерии протестантства (труд – бережливость – полезность – стремление и богатству) были использованы как аксиомы в первой модели либерализма А.Смита. Протестантская этика, безусловно, способствовала историческому формированию традиций соблюдения законов, которые эволюционизировали, например, в неукоснительную уплату налогов и исполнение контрактов, даже не оформленных документально. К.Саломон справедливо отмечает, что этико-религиозные традиции стали важнейшим условием зарождения в XVIII в. гражданского общества именно в протестантских странах (Англия, Голландия) [10, с. 107].

Вместе с тем, абсолютизация социокультурного (этико-религиозного) фактора, на наш взгляд, не может служить выработке реальной программы системных преобразований и, напротив, часто используется как индульгенция для оправдания ошибок и бездеятельности реформаторов. Некритически проецируя гипотезу М.Вебера на отечественные условия, ряд исследователей напрямую выводит пробуксовку рыночных реформ (низкая производительность труда, коррупция, теневая экономика и т.д.) из фундаментальных постулатов православия, породивших негативные ментальные черты народа. С.Лозныця, например, утверждает, что хозяйственная этика Русской православной церкви, как и православия в целом, индифферентна или даже открыто противостоит активной экономической жизни, поскольку не формирует «духовных стимулов к трудовой и предпринимательской деятельности», порождает пассивность, леность, безразличие к инновациям, осуждает собственность, богатство и т.д. Трудовая деятельность признается вторичной относительно духовного служения, интересы общества – приоритетными по сравнению с индивидуальными правами и свободами. Единственным позитивным исключением в православии автор считает старообрядческую субкультуру, для которой характерны трудовая и предпринимательская традиции

[12, с. 83-84].

Очевидно, что абсолютизация социокультурного фактора как двигателя процесса эволюции ведет к дезориентации экономической политики, поскольку служит оправданием затянутости переходного периода. Использование критерия соответствия теории практике исторического развития доказывает: этико-культурно-религиозный фактор не является приоритетным при анализе системной эволюции: например, католические районы Северной Франции, Север Италии, Бельгия, Каталония в Испании стали ведущими индустриальными районами Европы быстрее, нежели соседние протестантские районы; православный духовный базис отнюдь не стал тормозом быстрого социально-экономического прогресса современных Греции и Кипра и т.д. [13, с. 21].

Таким образом, мы подошли к определяющему фактору общественной эволюции – институциональным рамкам развития. Последовательная разработка и приложение данного фактора в эволюционную теорию стали возможны с внедрением в экономический анализ категорий трансакционных и трансформационных издержек, которое осуществил основоположник неоинституционализма Р.Коуз в явно опередившей время, рубежной для науки статье «Природа формы» (1937 г.; спустя 54 года отмеченной Нобелевской премией) [14, с. 33-111]. В Нобелевской лекции (1991 г.) Коуз подчеркивал: «Ценность внедрения... институциональных факторов становится особенно явной в свете недавних событий в Восточной Европе. Бывшим коммунистическим странам советуют перейти к рыночной экономике, и того же желают их лидеры, но никакая мало-мальски осмысленная рыночная экономика невозможна без соответствующих институтов» [14, с. 342-343].

Институциональные рамки (система формальных и неформальных правил, норм, традиций поведения индивидуумов и организаций) определяют характер институциональной среды данного социума, содействуя рациональному выбору и реали-

зации стимулов к продуктивному труду, заложенных в homo economicus. Экономический прогресс или стагнация хозяйственных систем прямо зависят от доминирующей институциональной системы: институты, прежде всего – формальные ограничения (акты государственного регулирования, законы, структура налогов и др.) создают такую систему стимулов, которая поощряет или тормозит продуктивную деятельность.

Синтез неоинституционализма и эволюционно-цивилизационной теории расширил научные горизонты, породив динамичное, чрезвычайно перспективное направление – новую экономическую историю. Использование ее методологии позволило Т.Эггертссону еще в 1980-е г.г. предвидеть неизбежную смену всей политико-экономической системы советского образца: громоздкая и неэффективная институциональная структура, реализованная в жесткую централизацию и необходимость параллельной системы партийного контроля на всех этапах хозяйственного механизма, делала непомерными для общества трансакционные издержки, тормозила инновации и т.д. [8, с. 358-359].

Институциональная матрица общества способна к самовоспроизведению, а ее изменения могут носить инкрементный (градуалистский) или дискретный характер. Новая экономическая история выделяет три возможных пути эволюции институциональной среды:

- path dependence (зависимость от траектории предшествующего развития) – глубокая, сильная зависимость новых институтов от старых;
- path determinacy – менее сильная зависимость, оставляющая место возникновению совершенно новых институтов;
- path indeterminacy (path independence) - отсутствие явной связи между старыми и новыми институтами.

К сожалению, признавая приоритетность институциональных преобразований, политика становления институциональной системы рыночной экономики тормозится нерешенностью многих теоре-

тических вопросов. Дискуссионными остаются ключевые категории и проблемы, имеющие фундаментальное значение для выработки экономической политики переходных социумов: содержание категорий «институт» и «институциональная система общества»; преобладание градуализма или дискретности, спонтанности или сознательной деятельности в институциональных преобразованиях и др.

Для уточнения содержания фундаментальной категории «институт» нами предложено синтезирование двух основных методологических направлений современного институционализма: «институты-организации», восходящие к работам Дж. Коммонса, и «институты-правила, нормы», выдвинутые в 80-е гг. Д. Нортон.

По нашему мнению, под институтами следует понимать исторически складывающиеся правила, нормы, традиции социальных взаимоотношений между индивидуумами, структурированные в адекватные общественные организации, а также механизмы их становления и функционирования.

Такой подход позволил углубить доминирующую сейчас классификацию видов правил (институтов) В. Ванберга-Р. Нуреева [15, с. 12], сводящуюся к дихотомии формальных и неформальных правил, которая, по нашему мнению, не полностью раскрывает существующую институциональную структуру рыночной экономики, не показывает направлений ее становления и развития в переходной период [см. подробнее: 5, с. 54-55; 16, с. 9-10].

Для определения места институционального фактора в процессе эволюции социумов предлагаем разграничить и уточнить содержание категорий «институциональные стандарты», «институциональные гарантии» и «институциональная система общества».

Институциональные стандарты (institutional standard, англ.) – совокупность формальных и неформальных правил, норм, традиций поведения субъектов социума, адекватных данному способу производства; они упорядочивают обществен-

ные отношения, обеспечивая дееспособность и стабильное функционирование политико-экономических систем.

Институциональные гарантии (institutional guarantee, фр.) – это система легитимизированных обязательств государства и его представительных органов (организаций) по становлению, реализации и обеспечению дееспособности институциональных стандартов социума.

Институциональная система общества (institutional system, гр.) – совокупность институциональных стандартов и гарантий, образующих каркас политического и хозяйственного механизмов данного способа производства. Она обеспечивает реальное, эффективное использование производственного потенциала политико-экономической системы, достижение адекватного уровня политических, экономических и социальных стандартов и гарантий всем членам общества.

Взаимосвязь политических, экономических, институциональных и социокультурных факторов в эволюции (становлении и функционировании) способов производства (формаций, систем), используя выдвинутые нами категории, представлена на рис. 1.

Новая экономическая история предоставляет многочисленные примеры приоритетности институционального фактора в установлении траектории эволюции социумов. Хрестоматийным стал уже нортонский сравнительный анализ политико-экономического развития Англии и Испании [17, с. 83-90]. В XVI – XVIII вв. два ведущих государства Средневековья оказались на исторически переломном рубеже: пользуясь современной терминологией – этапе системной трансформации феодализма в стадию раннего капитализма. Переходной период сопровождался неизбежным экономическим, прежде всего финансовым кризисом. Пути выхода из кризиса, отражавшие фундаментальные институциональные преобразования, оказались различны, что предопределило расхождение исторических траекторий развития этих государств вплоть до настоящего

времени.

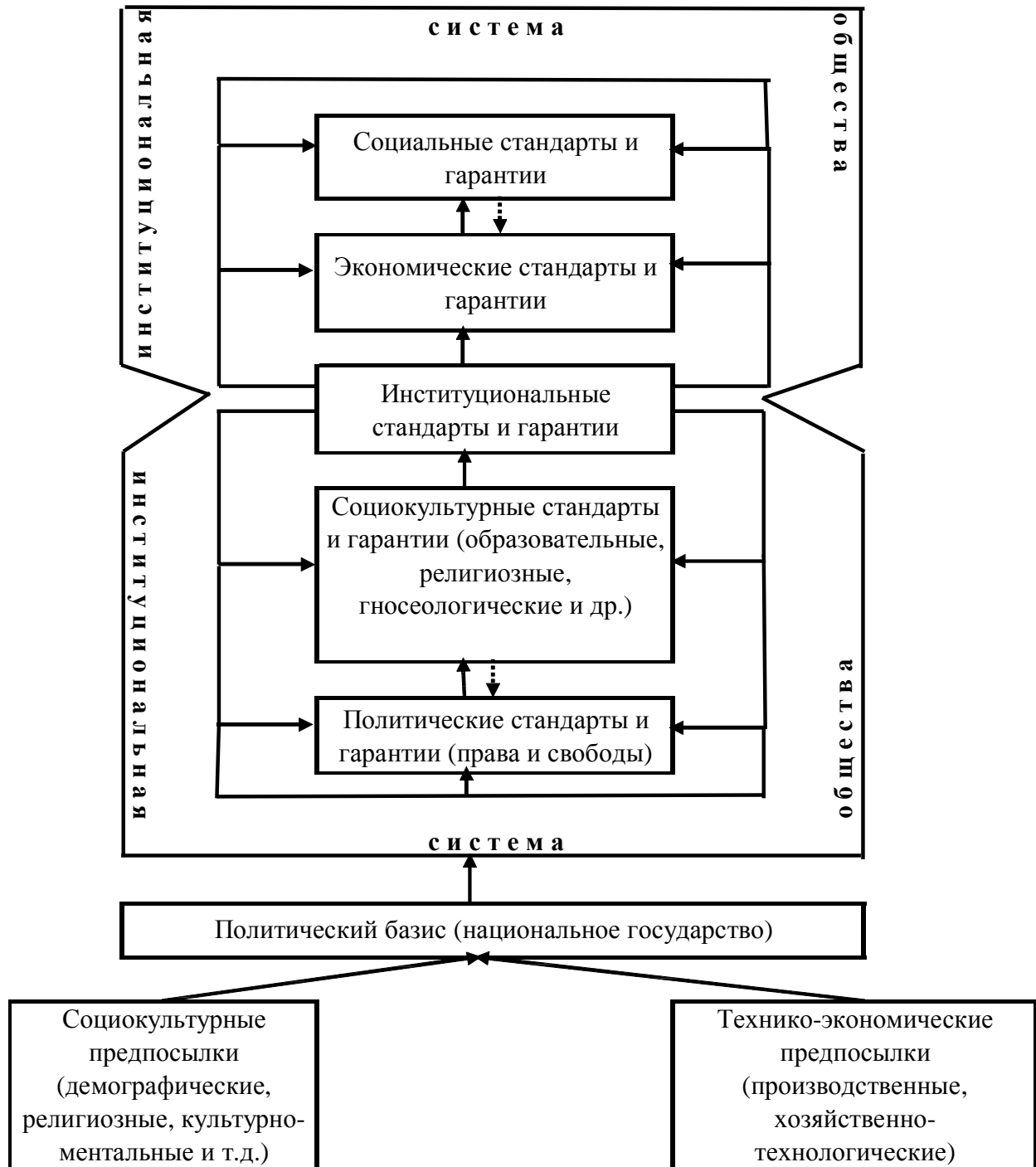

Рис. 1. Иерархия («дерево») базисных предпосылок, стандартов и гарантий эволюции политико-экономических систем

В Англии осуществился решительный поворот от жестко централизованной политической системы (абсолютной монархии) к парламентской демократии. Окончательная победа парламента, полу-

чившего право вырабатывать государственную политику, осуществлять финансовый контроль, произошла в 1689 г. Политические преобразования в своей основе имели социокультурные и технико-

экономические предпосылки: еще в 1215 г. король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей; основной религиозной концессией утвердился протестантизм; коренные изменения претерпели еще в XIII в. деревенская община, структура семьи (утверждение права наследования и правового статуса женщин), промышленность, торговля и т.д. Сразу после победы парламента стали утверждаться новые экономические институты, адекватные потребностям рыночной экономики. Они обеспечивали надежную защиту прав собственности и формирования более эффективной, беспристрастной судебной системы. Законодательное обеспечение (структуризация) прав собственности, регламентация отношений обмена (контрактное, договорное право), сокращение торговых ограничений, новые финансовые инструменты, патентное право и т.д., заложили основы развития частного рынка капитала, долгосрочного роста инноваций, расширили возможности национальных компаний на внутреннем и международном рынках, в целом – привели к резкому снижению транзакционных издержек. Институциональные преобразования заложили фундамент грядущей промышленной революции, обеспечили устойчивый экономический рост Англии.

Развитие Испании, напротив, пошло по пути консервации жестко централизованной политической системы – абсолютной монархии. Парламент (кортесы) имел символические права, а главными организационными структурами являлись корона, армия, церковь и сложная бюрократическая система. Выход из экономического кризиса переходного периода власть видела в усилении традиций централизованного, бюрократического управления. Централизованный контроль над экономикой и колониями привел к безудержному росту иерархически организационного бюрократического аппарата, вооруженного мощным потоком указов (королевских эдиктов): с 1492 г. по 1635 г. было издано более 400 тыс. декретов (2500 в год), касающихся только правления и хозяйства Вест-Индских колоний. В экономической поли-

тике преобладали установление контроля над ценами и повышение налогов. Институциональная матрица, исключавшая свободу экономических агентов, привела к упадку и стагнации экономики. Наглядное представление о влиянии институциональных ограничений на экономическое развитие дает характеристика Д. Коутсвортом институциональной среды бывшей испанской колонии – Мексики. Любое домашнее хозяйство для осуществления повседневной деятельности (получение кредита, наем рабочей силы, соблюдение контрактов, уклонение от налогов и т.д.) вынуждено постоянно использовать родственные, дружеские связи в бюрократическом аппарате: «Успех или неудача в экономической деятельности всегда зависели от отношений между производителем и политическими властями – местными чиновниками, чтобы улаживать текущие дела, и центральным правительством, чтобы обеспечить благоприятное для себя толкование закона или, если потребуется, защиту от мелких чиновников» [см. 2, с. 150]. Не правда ли, институциональная ситуация поразительно напоминает отечественные условия постсоциалистического периода?

Проведенный теоретический анализ факторов общественной эволюции позволяет сделать вывод: для становления политически стабильной и экономически эффективной общественной системы, позволяющей реализовать потенциал современной технологии, необходима институциональная система, обеспечивающая доминирование в хозяйственных отношениях сложного, неперсонифицированного обмена, экономическую свободу производителей, децентрализацию хозяйственного механизма. (В нортовском примере – капиталистическая трансформация Англии и ее североамериканских колоний). Напротив, институциональная система общества, основанная на персонифицированных отношениях экономических агентов, жесткой централизации (политической и экономической) и подавлении свободы производителей, не позволяет реализовывать в полной мере потенциал современной технологии, ведет к стагнации и политической нестабильности.

стабильности. (Развитие Испании и стран Латинской Америки).

Дальнейшее развитие институционально-эволюционной теории призвано обеспечить надежный научный фундамент экономической политике переходных государств периода системной трансформации.

Литература

1. Стратегія економічного і соціального розвитку України (2004-2015 роки). Шляхом Європейської інтеграції. – К.: УВЦ Держкомстату України, 2004. – 416 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. – 180 с.
3. Вельфенс П. Основы экономической политики. (Социальная экономика: Синяя серия). – СПб.: „Дмитрий Буланин”, 2002. – 495 с.
4. Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 176 с.
5. В.М.Бережной, С.Ю.Дефорж. Институциональная система переходного общества: вопросы теории и практики // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: економічна. Випуск 70. – Донецьк, Дон НТУ, 2004. – с. 48-55.
6. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992. – 208 с.
7. Чухно А. Постиндустриальная экономика: теория, практика и их значение для Украины // Экономика Украины. – 2001. - №11. – с. 42-49.
8. Эггертсон Т. Экономическое по-

ведение и институты. – М.: Дело. – 408 с.

9. Геець В. Соціогуманітарні складові перспектив переходу до соціально орієнтованої економіки в Україні // Економіка України. – 2000. - №2. – с. 5-7

10. Саломон К. Культурная экспансия и экономическая глобализация // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. - №1. – с. 105-115.

11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – с 61-272.

12. Лозниця С. Вдосконалення людини та його вплив на соціально-економічний розвиток суспільства в концепції М. Вебера: сучасні реалії та перспективи//Молода нація. Альманах. - №3. – К.: Смолоскоп, 2000. – 250 с.

13. Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. – М.: Наука, 2002. – 271 с.

14. Коуз Р. Природа фирмы//В кн. Природа фирмы. – М.: Дело, 2001. – 360 с.

15. Нуреев Р. Теория общественного выбора. Конституционная экономика // Вопросы экономики. – 2003. - №7. – с. 110-127.

16. Дефорж С.Ю., Бережной В.М. Неинституционализм и экономическая политика становления социального рыночного хозяйства // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. Економічна серія. – 2004. - №630. – с. 6-11.

17. Норт Д.К. Институты и экономический рост: историческое введение//THESIS: Весна. Т I. – Вып. 2. – 1993. – с. 69-91.

Статья поступила в редакцию 04.01.2005